

Роуз, Джасмин и Дейзи — роза, жасмин, маргаритка.

Так назвали трех девочек.

Когда Роуз появилась на свет, в сердце ее бедной матери пробудилась весна.

Незадолго до этого миссис Мейнуорин пережила ужасное несчастье. Здоровье бедной женщины пошатнулось. Казалось, ничто на свете не сможет ее утешить. Но, увидев новорожденную девочку, — ее милое нежное личико, ее крошечные пухленькие ручки и ножки, — миссис Мейнуорин впервые за много дней улыбнулась. Она решила взять себя в руки и жить дальше — ради этой благословенной малышки.

Девочка родилась в начале мая, когда распустились самые ранние розы. И миссис Мейнуорин решила, что дочку будут звать Роуз: пусть ее имя напоминает о весеннем возрождении.

Другая девочка родилась в Италии, летом. Кругом все цвело и благоухало. Сияющими глазами смотрела черноволосая крошка на этот праздник природы. Ее назвали Джасмин, и имя очень ей подходило.

Третья, самая младшая из сестер, тоже родилась летом — правда, в Англии, а не в Италии, в деревенском особнячке. Имя Дейзи для младшей сестры выбрали Джасмин и Роуз: они принесли с прогулки букеты полевых маргариток.

Тут, в сельской местности, в небольшой деревушке Розбери графства Девоншир, три девочки и росли.

Их отец служил в Индии — в той части страны, где климат считался тяжелым. Он при первой возможности посылал домой письма, и в каждом письме выражал надежду, что правительство в скором времени

позволит ему вернуться домой — к любимой жене и детям. Однако смерть настигла доблестного капитана раньше, чем его просьбу услышали. Роуз исполнилось десять, Дейзи только вышла из младенческого возраста, а миссис Мейнуорин уже оказалась в положении бедной офицерской вдовы, у которой, за исключением крошечной пенсии по смерти мужа, не было почти никаких доходов.

Смерть мужа стала для миссис Мейнуорин вторым жестоким ударом после того, который настиг ее перед рождением старшей дочери. Нервы ее расшатались, и с этих пор она уже не могла отдавать все силы воспитанию дочерей: скорее, они рулили ею и делали то, что им нравится.

Роуз, Джасмин и Дейзи, словно оправдывая свои имена, росли как цветы, не тревожась о завтрашнем дне. Жизнь в Девоншире была простая и безыскусная, и девочки были счастливы уже тем, что здоровы, что светит солнце и дует ветер. Их мало заботили модные платья и развлечения, без которых иные уважающие себя люди не мыслят существования. От природы они были благожелательными, и в то же время — с характером.

А Роуз к тому же еще и отличалась удивительной практичностью. Увидев, что мать не очень следит за их учебной, она придумала правила для себя и сестер. Правила были увлекательными и простыми, и следовать им сестры считали за развлечение. Девочки настояли на том, что им нужно ходить к мисс Мартини. Мисс Мартини дважды в неделю давала уроки музыки на стареньком фортепьяно (по крайней мере, сама мисс Мартини называла это музыкой) и учила сестер говорить по-французски (с таким произношением, которое парижане не смогли бы понять), а мама должна была ежедневно выслушивать их выученные уроки.

Внешность Роуз гармонировала с ее сладкозвучным, отсылающим к старым традициям именем: прямые и мягкие золотистые волосы, глаза — светло-карие, кожа — белая. Держалась она всегда вежливо, миролюбиво. Говорила спокойно, неторопливо, не трата попусту слов. Ее присутствие действовало на окружающих успокаивающе.

Джасмин была полной противоположностью старшей сестры — темноволосая, с сияющими глазами; она двигалась порывисто и быстро. В состоянии возбуждения (Джасмин, как правило, находилась

в состоянии возбуждения) слова вылетали у нее с такой скоростью, что их не всегда можно было разобрать. Даже если случались самые что ни на есть обыденные события: она прошла по деревенскому переулку, сходила в лес за черникой, за земляникой — щеки ее горели, глаза сверкали. Новая книга могла лишить Джасмин сна. Иными словами, в тихой своей семье она была маленьким вулканом и, наверное, могла бы превратиться в несносного ребенка, если бы не ее добродушный характер и то обстоятельство, что ей никто никогда особенно не противоречил.

Младшие сестры считали Роуз невероятно умной. А Роуз внутри себя полагала, что Джасмин, может быть, даже умнее или, точнее, мудрее. Джасмин был присущ романтический дух: она смотрела на мир с восторгом. И эта ее особенность очень нравилась сестрам.

Что касается младшей, Дейзи, любимицы всей семьи, она была чем-то вроде нежного балованного дитя — очень хорошенькая, но слаба здоровьем: голубые глаза всегда широко раскрыты, белокурые волосы — такие же, как у Роуз, но еще и вьются. Она словно совмещала в себе противоположные качества старших сестер.

Три девочки жили, не зная забот и тревог. Если они чувствовали, что проголодались, никто не мешал им поесть. Если они уставали, то засыпали здоровым сном без сновидений. Их мир умещался в границах Розбери. Даже Джасмин, с ее склонностью к романтизму, считала такую жизнь пределом желаемого существования. (Ну, может, стоило бы добавить в эту жизнь чуть больше книг и чуть больше событий!) Если за пределами Розбери и лежал другой, большой мир, то Джасмин совершенно туда не стремилась.

Роуз было шестнадцать лет, Джасмин — чуть больше тринадцати, а Дейзи — девять, когда их привычно-счастливая и спокойная жизнь неожиданно кончилась: миссис Мейнуорин внезапно умерла.

Миссис Мейнуорин относилась к тем матерям, которые даже строгого слова не скажут своим детям. Она считала, что нет никого чудесней и лучше ее дочерей. Девочки управляли ею, как хотели, и миссис Мейнуорин это нравилось.

После смерти мужа, когда острое чувство потери слегка притупилось, миссис Мейнуорин впала в состояние хронической подавленности. Теперь она жила исключительно настоящим: день прошел — и слава богу! Спасибо за то, что светит солнце. А ей ничего не нужно — только бы слышать смех своих девочек. Слаще этой музыки ничего не бывает.

В самом начале семейной жизни миссис Мейнуорин была довольно богата. Но банк, которому ее муж доверил свои сбережения, разорился, и капитан потерял все деньги. Так что уже перед рождением Дейзи миссис Мейнуорин знала, что в действительности она бедна. Перед отъездом в Индию капитан застраховал свою жизнь на тысячу фунтов стерлингов. После его смерти расходы миссис Мейнуорин в целом укладывались в ту маленькую пенсию, которую ей назначили. А если у нее возникала необходимость потратить деньги сверх пенсии, она брала их из суммы, оставшейся после мужа. Миссис Мейнуорин не позаботилась, как сделала бы на ее месте другая, практичная женщина, найти этим деньгам какое-нибудь применение, чтобы они приносили доход: ничего подобного! И у нее не оказалось друзей, способных дать дельный совет. Из немногих ее знакомых, которые жили в Розбери, никто не смыслил в деньгах. Поэтому миссис Мейнуорин предпочла просто хранить деньги в банке, снимая время от времени маленькие суммы. Ее согревала мысль, что у нее есть сбережения, и она плохо себе

представляла, насколько хватит тысячи фунтов стерлингов. К тому же миссис Мейнуорин не могла прийти в голову мысль, что она, нестарая еще женщина, может вдруг умереть. Но она умерла — внезапно и без всякого предупреждения.

Миссис Мейнуорин ничего особенного не делала для своих детей. Но никакая мать не могла бы любить их больше. И ее дочери тяжело переживали смерть матери, хотя и скорбели каждая по-своему.

Роуз, невзирая на охватившее ее горе, оставалась сдержанной и трезвой в суждениях. Джасмин реагировала бурно, даже истерически. Она могла рассмеяться, а через минуту начинала рыдать. Маленькую Дейзи поведение Джасмин пугало. Она вообще не могла поверить, что мама уже не вернется, и жалась к Роуз, которая пыталась как-то ее утешить и успокоить. Роуз будто бы заняла место матери и чувствовала, что в короткое время стала намного старше, чем раньше.

Целый месяц девочки горевали, отказывались выходить в люди, даже просто с кем-нибудь видаться. При обычных обстоятельствах месяц кажется непродолжительным отрезком времени. Но для девочек, изнутри их несчастья, этот месяц тянулся бесконечно. Однажды Джасмин пролежала без сна всю ночь. И это так испугало Роуз, что она решила использовать свое влияние на сестер — как всегда, осторожно, но твердо.

— Джасмин, — сказала Роуз, — у нас есть траурные платья. Мы так старались, когда их шили... Мы, конечно, можем сидеть в такую погоду дома, но нашу маму это не вернет. Я думаю, надо поужинать чуть пораньше и пойти прогуляться.

Всякий раз, когда Джасмин переставала плакать, ей очень хотелось пойти погулять. Но она тут же пугалась своего желания: это так неправильно, так непочтительно по отношению к покойной маме! Однако сейчас пойти погулять предложила Роуз. Значит, в прогулке нет ничего дурного. Лицо Джасмин просветлело.

Вечером три юных безутешных существа надели свои новые траурные платья и отправились на прогулку по кривоватому, но уютному сельскому переулку. Воздух хотелось глотать — таким он был свежим, и Джасмин не стала скрывать свои горящие щеки под траурной вуалью. Прогулка развеяла и освежила девочек. Когда они вышли на главную деревенскую улицу, из небольшого домика выскочила дочка прачки Поппи. Поппи сделала реверанс и радостно затараторила:

— Мисс Мейнуорин! Вы здесь?! И вы, мисс Джасмин? И вы здесь? Я так рада, так рада! А вас канарейка ждет! Прямо ждет не дожидется! Специально для вас ее вырастила! Мучилась с нею, мучилась... Но теперь она так поет! Прямо заслушаться можно. Я ее принесу, мисс Джасмин? Прямо завтра и принесу? Можно, мисс Мейнуорин?

— Поппи, это так замечательно! — воскликнула Джасмин. Но тут же покраснела, устыдилась сама себя и бросилась догонять Роуз. Та — лицо под вуалью — шла и крепко держала за руку Дейзи.

Этой ночью сестрам спалось хорошо: и свежий воздух пошел им на пользу, и мысли о канарейке, которую Поппи пообещала Джасмин.

Наутро Поппи явилась, как обещала, и принесла свой подарок. Она была славной деревенской девочкой и обожала сестер Мейнуорин.

— Птичка совсем молоденькая. И ей солнышко нужно, — сказала она с порога. — Так мама моя говорит: если что еще молодое, если растет еще, ему света нужно побольше. Я на этом окошке шторы-то подниму? Можно, мисс Мейнуорин? И клетку сюда повешу?

Роуз кивнула. Она отвлеклась и забыла, что именно это окно выходит на деревенскую улицу: каждый, кто идет мимо, может в него заглянуть, может увидеть, что происходит в доме.

— Ой! Чуть не забыла! Вот ведь! — воскликнула Поппи перед самым уходом. — Мисс Мартини... Она как узнала, что вы прогуляться решились... Как узнала, что вы снова стали нормальными... Нормально себя ведете... Она так обрадовалась! И сказала, что вечером к вам заглянет.

Роуз всегда была бледной, но слова Поппи усилили ее бледность.

— Мы все время нормально себя вели — несмотря ни на что, — сказала она с достоинством. — А мисс Мартини, возможно, чего-то не понимает: что мы не можем сделать — так это не горевать.

Тут Джасмин бросилась вон из комнаты.

Круглые глаза Поппи наполнились слезами.

— О, мисс Роуз... — начала она было...

— Все в порядке, Поппи, — прервала ее Роуз. — Мы примем вечером мисс Мартини. И хорошо, что ты рассказала нам о ее предстоящем визите.

Жители Розбери были невероятно общительны. Девочек Мейнуорин знали в округе все. Когда умерла их мама, в каждом доме эту печальную новость приняли близко к сердцу. Сестрам очень сочувствовали.

Роуз, однако, не захотела принимать знаки сочувствия. Девочки отказались видеть Поппи; и старого мистера Джонса, который время

от времени приходил к ним следить за садом; и миссис Прайс, державшую бакалейную лавку на другом конце улицы; и сердечную миссис Фрай, жену доктора... Они всем отказали — в том числе и мисс Мартини, своей учительнице и, может быть, самому близкому другу...

Потому что если бы мисс Мартини переступила порог дома Мейнуоринов, она проводила бы здесь и утро, и день, и вечер. А казалось (в начале — особенно), что выносить присутствие мисс Мартини — с ее бесчисленными советами, с ее добродушным, но категоричным тоном — совершенно невыносимо. Конечно, она обожала девочек, но была слишком беспокойной и чрезмерно навязчивой.

Иными словами, девочки в первый месяц после маминой смерти отгородились от всех соседей. Это вызывало недоумение: к чему такое упрямство? И невестребованное сочувствие мало-помалу угасло.

Но nature Роуз была гостеприимной. И если она решила, что примет вечером мисс Мартини, то это обязывало ее сделать визит приятным для добродушной, неловкой и часто голодной гостыи. Готовила Роуз прекрасно. Она сказала сестрам своим обычным сдержанным тоном:

— Я собираюсь испечь к чаю кремовый торт. Джасмин, ты можешь поставить в вазы свежие цветы? Дейзи, а ты... — Роуз взглянула на маленькую сестру: лицо Дейзи было бледным, губы печально изогнуты. — А ты пока пойди в сад и поиграй там с Пинком.

Пинк был любимым котенком Дейзи.

Дейзи радостно засмеялась, Джасмин порывисто выскочила из-за стола. А Роуз, чувствуя, что все идет правильно, отправилась в кухню советоваться со старой няней Ханной по поводу кремового торта.

В результате, когда у дверей, ровно в четыре часа по полудню, появилась мисс Мартини, сторонний наблюдатель не обнаружил бы в доме никаких следов безутешного горя. Гардины подняты — но не до конца (по мнению Джасмин с ее утонченным вкусом, это выглядело бы некрасиво), а ровно настолько, чтобы впустить достаточно солнечного света. Тонкие белые хлопковые занавески уложены красивыми складками. На подоконнике — вазы со свежесрезанными цветами. Канарейка в клетке (правда, довольно ободранной) радуется солнышку.

Мисс Мартини придерживалась старомодных взглядов, и ей очень понравилось, что окно не зашторено. Но она утешила себя тем, что даже во время тяжелой болезни иногда поднимают шторы, и что бедные девочки, без сомнения, пребывают в глубоком горе. Она представила себе, как утешит Джасмин, как возьмет за руку Роуз, как

позволит Дейзи забраться к себе на колени... Мисс Мартини была готова на многое для сестер, которых любила. Но, как многие добросердечные женщины, она хотела делать добро согласно своему собственному пониманию.

— С добрым вечером, Ханна, — сказала она няне, когда та открыла ей дверь. — Я понимаю, что ты пережила! Какое у вас всех ужасное несчастье! Я надеюсь, что юные дамы... — тут мисс Мартини сделала паузу, подыскивая слова: — ...что с ними все хорошо.

— О, мисс! — ответила Ханна. — Конечно! Входите, пожалуйста. Сюда, пожалуйста, мисс. Юные леди надеются, что вы не откажетесь выпить с ними чашечку чая.

И мисс Мартини оказалась в самой изысканной и уютной гостиной, которую только можно найти в целом Розбери. Необычная, даже роскошная обстановка комнаты сохранилась с тех времен, когда у миссис Мейнуорин еще водились деньги. А сейчас ее оживляли цветы, и солнечный свет лился через проем широкого окна. Три девочки в черных платьях, но без траурных лент, поднялись ей навстречу. Внутри у них боролись возбуждение и печаль. Но они позволили себе обрадоваться мисс Мартини.

Мисс Мартини в душе возмутилась: в течение целого месяца не позволять ей прийти, а потом вот так встретить — в доме, полном цветов и света! И без траурных лент на платьях!

А у Джасмин такое радостное лицо, и волосы вьются даже больше обычного. Мисс Мартини начала что-то говорить, но Джасмин ее перебила:

— Проходите, пожалуйста. Выпейте с нами чаю. Роуз испекла замечательный кремовый торт. А мы уже проголодались... Не правда ли, синеглазик? — Джасмин повернулась к Дейзи.

— Да, — отвечала Дейзи. — И Пинк такой голодный! Мы целый час бегали с ним по саду. Он почти умирает от голода. Роуз, можно, я положу Пинку в блюдечко немного крема?

Роуз кивнула, взяла мисс Мартини за руку, усадила за стол, на почетное место, села сама и стала разливать по чашкам цветочный чай.

Если мисс Мартини к чему и питала слабость, то к цветочному чаю и кремовым пирогам. Она сняла перчатки, поправила свою шляпку, откинула вуаль и приготовилась наслаждаться. И вместо того чтобы

выражать соболезнования, которых требовали обстоятельства, она принялась болтать с сестрами о разных мелочах. Джасмин заботилась, чтобы перед мисс Мартини все время лежал кусочек кремового торта. Роуз следила, чтобы ее чашка не пустовала.

Мисс Мартини была бедна. Ей приходилось все время экономить. В гостях у трех сестер она не могла не думать, что сегодня сэкономит на ужине. Эта мысль привела мисс Мартини в превосходное настроение.

После чая Роуз усадила ее у окна.

— Бог мой! — воскликнула мисс Мартини. — Я сижу у окна, у всех на виду! Меня хорошо видно с улицы. Если кто-то узнает мою шляпку, вам придется тут же пригласить его в дом.

— Мы бы хотели со всеми повидаться, — заговорила Джасмин. — Мы... мы... думаем... надо так сделать. Правда, Роуз?

— Да, — спокойно ответила Роуз. — Если мы и грустим о нашей маме, это не означает, что мы не должны ни с кем видаться. Мы решили, что будем жить точно так же, как раньше.

— Надо было вам пригласить меня раньше, — сказала мисс Мартини. — Я так сильно за вас переживала! Вы просто не выходили у меня из головы. Меня так ранило то, что вы не позволяли мне приходить! Как вы могли это сделать? Я бы могла стать для вас второй матерью!

— Пожалуйста!.. Не надо... — откликнулась Джасмин.

— Нам не нужна другая мама, — сказала Дейзи и прижалась к Роуз. Роуз поцеловала ее:

— Беги в сад, дорогая, и поиграй там с Пинком.

Мисс Мартини не хотела уходить от Мейнуоринов, не поделившись с ними своими идеями. Это была ее миссия — наставлять на путь истинный подрастающее поколение Розбери. Кто имеет на это больше прав, чем она?

Разве не мисс Мартини старается, чтобы они получили образование? Разве не мисс Мартини учит их лучшему из того, что умеет сама — музыке и французскому? И не она ли является наставницей Джасмин и Дейзи? (Мисс Мартини считала, что Роуз она уже обучила.) И не должны ли девочки — пусть они целый месяц отказывались ее видеть — вернуться к ней под крыло?

Мисс Мартини было очень удобно в кресле, куда ее усадила Роуз, и она сказала своим тонким высоким голосом:

— Дорогие мои, садитесь ко мне поближе... Не так близко, а то вы испортите мое выходное платье... Мне бы хотелось поговорить с вами откровенно. Нам придется взглянуть в лицо реальности — хотя это и не просто. Роуз, хорошо, что ты отослала Дейзи в сад. Она еще слишком мала для таких разговоров. Поступим так, как обычно делаем на занятиях, — выделим две важные темы. Две темы для обсуждения — этого предостаточно. Первая связана с вашей потерей — и тут, без сомнения, мои слезы смешаются с вашими. Крепитесь! Я разделю с вами горе и облегчу вашу сердечную ношу... А второе... Джасмин, дорогая, ну

что ты так покраснела?.. Второе не менее важно. Как вы, мои дорогие, собираетесь дальше жить?

Тут мисс Мартини сделала паузу, сняла свои очки, протерла и надела их снова. Она растрогалась. Она чувствовала готовность трудиться для бедных сестер Мейнуорин до полного изнеможения...

Но Джасмин покраснела еще сильнее.

— Пожалуйста, мисс Мартини... Можно, я скажу, Роуз?.. Мисс Мартини, пожалуйста... Мы не станем обсуждать с вами маму. Тут не о чем говорить... Роуз, я не могу... ни слышать, ни говорить...

Мисс Мартини возмутилась:

— Не о чем говорить? Вы так быстро забыли маму? Не могу в это поверить!

Ну и ну! Несмышленные дети совершенно не ценят родителей! — она осуждающе покачала головой.

— Что вы об этом знаете?! У вас же нет своих детей! — довольно резко перебила ее Джасмин.

— Я думаю, мисс Мартини, — тихий голос Роуз прервал перепалку, — первую тему ни я, ни Джасмин не сможем обсуждать. Это выше наших возможностей. Вы должны нас простить, даже если не можете нас понять. И дело совсем не в забывчивости. Мы всегда будем помнить маму! Но говорить — нет, не будем и все. И, будьте добры, позвольте нам самим в этом разбираться, — подытожила Роуз с тем чувством внутреннего достоинства, которое так ее украсило.

Несмотря на то, что она никогда не повышала голос, несмотря на безыскусность своих манер, Роуз, если хотела, вела себя как королева. И мисс Мартини, которая могла повздорить с Джасмин, не могла спорить с Роуз.

— Ладно-ладно, — сказала она слегка обиженным тоном. — Я здесь не для того, чтобы ссориться. Я пришла с добрыми намерениями. Если вдруг я сказала лишнее, беру свои слова назад. Что до меня, то я совсем не обижаюсь...

— Мисс Мартини, вы, кажется, хотели еще что-то обсудить? — Роуз решила перевести разговор в другое русло. — У вас огромный жизненный опыт. Вы знаете, как зарабатывать деньги. Вы спросили о наших планах... Мне кажется, мы ничего особенного не планировали... Так ведь, Джасмин?

— Да, — согласилась Джасмин уже совсем другим тоном. — Мы думаем, что будем жить точно так же, как раньше... И почему нас не могут оставить в покое?

Мисс Мартини прочистила горло, сочувственно глянула на Джасмин («Придется вести себя с ней, — подумала мисс Мартини, — как обычно ведут себя с избалованными детьми») — и обратилась к Роуз:

— Я готова отказаться от первой темы, опустить, отодвинуть в сторону, сделать вид, что ее и не было, — и обсудить вторую. Роуз («Обращать внимание на незрелые замечания Джасмин я не собираюсь!»), прежде чем строить планы, следует обсудить... На что вы будете жить?

Роуз нахмурилась.

— Я думаю, все будет так, как сказала Джасмин, — начала она медленно. — Нам очень нравится в Розбери. Будем тихонько жить себе.

Раньше мы тратили очень немного. А теперь нам придется, наверное, больше экономить.

Мисс Мартини снова прочистила горло.

— Дорогая моя, даже в Розбери нужны средства на жизнь. Вашей маме, вдове капитана, выплачивали пенсию. А теперь, раз она умерла, этой пенсии больше не будет. Ты знаешь об этом, Роуз? Возможно, вам, как сиротам умершего капитана, положены незначительные выплаты. Но так это или нет, я понятия не имею.

— Мама получала на каждую из нас по десять фунтов в год, — сказала Роуз.

— Хорошо, хорошо. Предположим — будем считать и надеяться, — что эти деньги вам продолжают выплачивать. Но втроем на тридцать фунтов в год невозможно прожить даже в Розбери!

— Есть ведь еще какие-то деньги в банке, — новый поворот в разговоре показался Джасмин интересным. — Роуз, помнишь, когда маме нужны были деньги, она выписывала чек и отдавала его мистеру Дейнфилду. А он обменивал чек на деньги. Иногда он давал десять фунтов стерлингов, иногда — пять, а иногда — только два фунта стерлингов. Но когда бы мы ни пришли с чеком к мистеру Дейнфилду, он всегда выдавал нам деньги. Роуз, ты можешь завести чековую книжку, и мистер Дейнфилд тоже будет давать тебе деньги.

— О! — Роуз повеселела. — Я и забыла о том, что у нас есть счет в банке. Мама же часто его упоминала! Денег должно быть много. И если невозможно прожить на тридцать фунтов стерлингов в год, мы сможем пользоваться мамиными сбережениями.

На морщинистом лице мисс Мартини отразилась нешуточная тревога:

— Девочки, я тут позволила себе одну вольность... Я боюсь, что поступила бестактно... Но вы так одиноки, бедняжки, а мистер Дейнфилд — мой давний знакомый... И... Я спросила его, сколько денег на счету вашей мамы. Он сказал... Бедняжечки вы мои... Он сказал, там нет и двухсот фунтов стерлингов...

С точки зрения мисс Мартини, это было ужасное открытие. Ей казалось совершенно чудовищным, что три девочки Мейнуорин, еще практически дети, оказались перед лицом суровой действительности без всякой поддержки.

Несмотря на безыскусность и простоту их жизни в Розбери, они воспитывались в атмосфере нежности и домашнего тепла. Они еще ни разу не сталкивались с грубостью и жестокостью. Их мать и несколько близких людей любили их, а все остальные знакомые относились к ним с нескрываемым уважением. И девочки Мейнуорин, в своих простых платьицах и с незамысловатыми манерами, выглядели как настоящие леди и вели себя как леди.

Навестив девочек, мисс Мартини поспешила домой.

— Сегодня я не буду ужинать, Сьюзен! — сказала она помощнице по хозяйству, усаживаясь в своей маленькой облезлой гостиной. — Я пила чай у девочек Мейнуорин. Не могла бы ты принести мне лампу? Не сейчас, а чуть позже? Пока еще достаточно и дневного света, и я могу разглядеть вязанье. Подай мне мою корзинку для рукоделия. Я буду довязывать перчатки для вдовы Джозефа.

— Мадам, скажите, пожалуйста, — спросила Сьюзен, помедлив у двери, — а как дела у юных леди? Если учесть все сложившиеся обстоятельства?

— В целом они спокойны. Да, Сьюзен, скажу с уверенностью: мои милые ученицы смирились с тем, что произошло.

Сьюзен вышла и закрыла дверь. А мисс Мартини принялась за вязанье. Такое занятие, как вязанье, рождает чувство гармонии с окружающим и в то же время располагает к размышлениям. И пока

пальцы старой леди ловко делали свое дело, в голове у нее мелькали разные мысли.

— Тридцать фунтов стерлингов в год, — бормотала она, — и около двухсот фунтов в банке. Без сомнения, часть этих денег уйдет на то, чтобы оплатить расходы на похороны и жизнь за последний месяц. Может быть, тридцать фунтов, а лучше считать, что сорок. Значит, у них осталось сто шестьдесят фунтов стерлингов. Эти деньги могут понадобиться в непредвиденных обстоятельствах. Например, если кто-нибудь заболеет или что-то подобное. О, мои дорогие Роуз и Джасмин! О, мой котеночек Дейзи! Эти сто шестьдесят фунтов нельзя трогать ни в коем случае. Можно ли им снимать со счета несколько фунтов в год или нельзя, должен решить мистер Дейнфилд. Придется рассчитывать на тридцать фунтов в год... Но на это нельзя прожить!

Тут мисс Мартини выронила вязанье и в сильном волнении стала ходить туда-сюда по комнатенке.

— Что теперь будет с осиротевшими, беззащитными девочками? Как они смогут заработать себе на жизнь?

До сих пор мисс Мартини не приходилось решать столь болезненную и в то же время захватывающую задачу. Она мысленно перебирала различные варианты, она старалась найти решение, она

придумывала всевозможные спасительные идеи, записывала на бумажке самые крохотные суммы, на которые девочки могли бы существовать... Но, когда мисс Мартини, уже далеко за полночь, отправилась в кровать, она так и не нашла удовлетворительного ответа на мучивший ее вопрос.

Мисс Мартини, пусть и сама не очень сведущая и не слишком эрудированная, с трудом могла представить, что Роуз способна давать уроки. Джасмин пока могла только развлекать окружающих своими фантазиями. Ну а малютка Дейзи — вообще ребенок...

Мисс Мартини снились тревожные сны. Но утром, несмотря на беспокойную ночь, она пробудилась с новыми силами, преисполненная решимости сделать что-то полезное.

— Софи, — сказала мисс Мартини, обращаясь сама к себе (она обожала такого рода «беседы»). — Бедные девочки обречены на страдания. Ты не можешь осыпать их золотом. Но ты можешь призвать на помощь других. В этом и заключается твоя святая обязанность!

И мисс Мартини бросилась вниз по лестнице, быстро съела свой скудный завтрак и разработала план. Ни одного представителя нового поколения, которого заставляли бы, которого поощряли бы заниматься сверх меры, в Розбери быть не могло. Поэтому мисс Мартини, без малейшего укола совести, написала своим шести ученикам коротенькие записочки: сегодня не надо приходить на занятия! — и отправила Сьюзен разнести эту весть по домам.

Потом она надела черное шелковое платье, старомодный плащ, высокую шляпку с полями — и, твердо веря в успех затеянного, отправилась в экспедицию по спасению сестер Мейнуорин.

Мереживания мисс Мартини усугублялись тем, что она не могла разделить их с девочками.

Роуз, конечно, хорошо вела хозяйство. И в округе не было ни одного булочника или мясника, который отважился бы появиться в Розбери с намерением обмануть молодую леди. Никто не получил бы от нее ни полкроны¹, ни даже шиллинга² сверх того, что она считала нужным заплатить. Никто не мог лучше Роуз переделать старое платье так, чтобы оно казалось совершенно новым. Но этим ее опыт решения жизненных проблем исчерпывался. До смерти мамы Роуз умело совмещала необходимость экономить и создавать ощущение достатка. Однако бремя ответственности за все происходящее все-таки лежало на миссис Мейнурин.

Слова мисс Мартини заставили Роуз слегка задуматься, но не сильно встревожили. Если они с сестрами не смогут жить на тридцать фунтов стерлингов в год, то можно воспользоваться деньгами из банка. Роуз думала, что двести фунтов — если и не огромная сумма, но достаточная для того, чтобы жить без всяких проблем. Единственный вывод, который она сделала из беседы с мисс Мартини, — так это то, что придется чуть больше экономить.

¹ Полкроны (half crown) — английская серебряная монета. 1 полукрона = 2,5 шиллинга.

² Шиллинг (shilling) — распространенная монета Англии, а затем Британии. Шиллинг приравнивался к 12 пенсам, а 20 шиллингов составляли английский фунт стерлингов вплоть до 1971 года, когда был произведен переход на десятичную систему.

Джасмин между тем не нравилось, когда Роуз пыталась экономить. И она возмутилась, когда на следующее утро после визита мисс Мартини Роуз сказала, что им лучше не покупать хлопчатобумажные черные платья на смену тем, что они носили. Но ведь два дня назад они решили совсем иначе!

— Какая ерунда! — вскричала Джасмин, возмущенно топая ножкой. — Дейзи так неудобно бегать в кашемировом платье! А мне как копать и полоть?! Мы же решили: все будет, как раньше! Как если бы мама... была жива... была...

Тут Джасмин осеклась, подавила рыдание и торопливо добавила:

— Мы не можем без этих платьев, Роуз. Неужели тебя испугали слова мисс Мартини?

— Они меня не испугали, — возразила спокойно Роуз. — Но я думаю, нам нужно быть бережливее.

— На самом деле, мы очень богаты, — не успокаивалась Джасмин. — Я и не думала, что у нас есть двести фунтов в банке. Это же очень много! А ты о чем-то беспокоишься!

— Но мисс Мартини считает, — Роуз, как обычно, говорила не торопясь, — что это совсем не много. Она была очень расстроена, когда говорила об этом... Джасмин, я думаю, мисс Мартини очень хорошо к нам относится.

— Возможно, — сказала Джасмин безразличным тоном. — Ты, Роуз, как я поняла, решила, что мы должны вести убогую жизнь... Пойду-ка я лучше поиграю с Дейзи в саду.

Джасмин чмокнула Роуз в щеку и убежала из комнаты. Через пару минут до Роуз сквозь распахнутое окно донеслись смеющиеся голоса. В глубине души она была рада, что Джасмин и Дейзи возвращаются к своим обычным занятиям. Но их смех отозвался у нее в сердце болью.

Дом Мейнуоринов был совсем маленьким. Внизу — всего одна небольшая длинная

